

Халина Гранатовска

Учет культурного компонента в процессе координированного обучения иностранным языкам

Studia Rossica Posnaniensia 27, 291-299

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

УЧЕТ КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В ПРОЦЕССЕ КООРДИНИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

INCLUDING A CULTURAL COMPONENT IN THE PROCESS OF PARALLEL
TEACHING OF TWO FOREIGN LANGUAGES

ХАЛИНА ГРАНАТОВСКА

ABSTRACT. The author of the article argues that both glottodidactic processes and professional training of foreign language teachers should include the exposition of the culture of a given language area. A foreign language teacher, apart from a fluent command of the language, should also have a vast and up-dated knowledge about the culture of a given language area.

Halina Granatowska, Wyższa Szkoła Pedagogiczna, Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej, ul. Oleska 48, 45-052 Opole, Polska – Poland.

Среди многочисленных проблем, обсуждаемых современной лингводидактикой, важное место занимает проблема учета культурного компонента в процессе обучения иностранным языкам. Особую значимость данная проблема приобретает по отношению к процессу формирования профессиональной компетенции преподавателя иностранных языков.

Следует подчеркнуть, что этот вопрос – не новый. Хотя термин „лингвострановедение” появился в 1971 году¹, то гораздо раньше, в 1921 году польский методист Станислав Квятковский утверждал, что обучение иностранному языку должно учитывать разнообразные цели – как утилитарные, так и идеальные, объединяя их в единое гармоническое целое, обеспечивая не только овладение языком как средством приобретения знаний, но и ознакомление посредством языка с культурой чужой нации².

---

¹ Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, *Язык и культура*, Москва 1990, с. 3.

² S. Kwiatkowski, *Dydaktyka i metodyka nauczania języków nowożytnych*, Lwów–Warszawa 1921, с. 10.

В таком же духе высказался и Леонард Блумфилд, для которого язык должен усваиваться вместе с культурой страны, жители которой общаются на этом языке³.

В начале 60-х годов английский методист Ф. Биллоус заметил, что во время изучения иностранного языка у ученика формируется своеобразная готовность к восприятию новых знаний, впечатлений именно через изучаемый язык. Читая уже после окончания школы те же самые газеты, книги, что и носители данного языка, он поддается влиянию тех умственных направлений, которые появляются в культуре народа и отражаются в языке. Если у ученика была возможность ознакомления с языком только в рамках ограниченной лексики и небольшого по объему грамматического материала и не было у него возможности слушать (читать) и понимать естественную, ничем не ограниченную иноязычную речь, тогда для него даже газета окажется слишком трудной, а книги – недоступными⁴.

Проблеме учета культурного компонента в лингводидактическом процессе уделяли внимание многие исследователи, напр., Р. Ладо или Е. Хирш, благодаря которому понятие „культурной грамотности” стало общеупотребительным термином в лингвострановедении⁵. Данное понятие Е. Верещагин и В. Костомаров рассматривают как элемент профессиональной компетенции учителя иностранного языка, поскольку „преподаватели лишь тогда могут считать себя получившими профессиональное образование, когда всесторонне изучена культураносная и культуриприобщающая функции русского языка, выступающего в качестве иностранного, и когда практически освоена методика реализации данной функции в учебном процессе”⁶.

Для преподавателя иностранного языка важным является разграничение двух понятий: страноведение и лингвострановедение. Первое означает обучение языку через культуру (или во время изучения явлений культуры), второе – ознакомление с культурой посредством языка, иначе говоря, лингвострановедение действует лишь через язык и непременно в процессе его изучения⁷.

Термин „лингвострановедение” правомерно употребляется в качестве аспекта преподавания языка, но он не вполне отражает со-

³ Л. Блумфилд, *Язык*, Москва 1968, с. 101.

⁴ F. L. Billows, *Technika nauczania języków obcych*, Warszawa 1968, с. 220-221.

⁵ R. Lado, *Linguistics across cultures*, б. м. 1963; E. Hirsch, *Cultural Literacy*, Boston 1987; см. также: *Методика преподавания русского языка как иностранного*, Москва 1990, с. 131-135.

⁶ Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, ук. соч., с. 5.

⁷ Там же, с. 37.

вокупность знаний, умений и навыков, связанных с иноязычной культурой, он слишком узок как компонент содержания обучения, поэтому целесообразнее говорить о культурном компоненте преподавания иностранных языков, и, соответственно, о культурном компоненте в процессе формирования профессиональной компетенции учителей иностранных языков. Содержание анализируемого компонента состоит из знаний, навыков и умений, объем и характер которых следует определить с учетом целей и этапов обучения.

Независимо от этапа обучения знания относятся непосредственно к языку и к национальной культуре. Как известно, все уровни языка культураносны, но наиболее ярко национальная культура проявляется на лексическом уровне, поэтому к языковым знаниям уже на начальном этапе обучения языку следует отнести безэквивалентную и фоновую лексику, а к знаниям национальной культуры фоновые знания, т.е. знания о предметах и явлениях национальной культуры (реалии) и знания об общепринятых в стране нормах поведения (этикет).

Информации страноведческого порядка выполняют в лингводидактическом процессе несколько функций, среди которых одной из важнейших следует признать мотивирующую функцию, поскольку именно такого рода информации смогут удовлетворить различные потребности учеников, т.е. коммуникативные, познавательные и эстетические. Правильно отобранные и предъявленные ученикам страноведческие информации в значительной степени влияют на формирование положительного отношения к другой нации или стране, что успешно противодействует этноцентризму, очень опасному подходу, согласно которому ценным является только то, что принадлежит к нашей культуре⁸. Как подчеркивает Х. Г. Гадамер, мы должны научиться уважать все то, что отлично, и того, кто отличен, поскольку мы все отличаемся друг от друга. Сосуществование разных культур, языков и религий является тем, что поддерживает нас, ведь Европа – это многоязычное целое, состоящее из разнообразных национальных культур⁹.

Безусловно, мотивирующая значимость страноведческой информации во многом зависит от их подлинности, достоверности и представительности. Поэтому перед преподавателями русского языка в нашей стране стоит ответственная и нелегкая задача: пополнить и актуализировать содержание учебников. К сожалению, преподаватель не всегда может справиться с этой задачей по раз-

---

⁸ A. Prejbisz, *Rola poznawcza kulturoznawstwa w nauczaniu języka obcego w szkole średniej*, „Języki Obce w Szkole” 1978, № 3.

⁹ H. G. G a d a m e r, *Dziedzictwo Europy*, Warszawa 1992, с. 21.

ным причинам, напр., из-за весьма ограниченного доступа к русскоязычной печати и книгам, а также в связи с недостаточной лингвострановедческой подготовкой в вузе. На наш взгляд, система профессиональной подготовки преподавателей иностранных языков в нашей стране нуждается в существенной „перестройке”. Требуются преподаватели, не только свободно владеющие двумя-тремя языками, но и хорошо знающие иноязычную культуру, поскольку обучение языку должно идти параллельно с постижением национальной культуры, чтобы нормы языка (речи) осваивались одновременно с нормами культуры.

Когда-то Л. Выготский сослался на Гете, по словам которого, кто не знает ни одного иностранного языка, тот не знает и своего собственного¹⁰. Если действительно знание иностранного языка поднимает и родную речь на высшую ступень в смысле осознания языковых форм, обобщения языковых явлений, тогда мысль Гете можно выразить следующим образом: кто владеет двумя-тремя иностранными языками, тот вдвое-втрое лучше знает и собственный язык.

Следовательно, кто знает и понимает культуру народа (народов), язык которого усвоил, тот лучше и глубже понимает культуру собственной нации. А знать и понимать культуру другой нации – это значит и уважать ее. В современном мире, очень сложном и беспокойном, весьма разумно звучат слова, высказанные Андреем Рыбиным: „Каждый народ прекрасен, самобытен. И если роза с шипами, то это не должно мешать восприятию ее красоты. А если мешает, то вспомни о своих шипах. Люди, которые пытаются противопоставить «свое» и «чужое», конечно, быстро наберут силу, накачают социальные мускулы. Но это все в конце концов уйдет. А мы останемся...(…). Если ты плохо относишься к другой нации и провоцируешь национальную рознь – ты теряешь все. Национальная рознь слишком опасная штука, и неважно, на политике, на религии или еще на чем она замешана. Проблема разрешается двумя путями: Либо вырезать друг друга – кто останется, тот скажет: Я самый умный! А это невозможно! – Либо все-таки наладятся мирные отношения, основанные на понимании и взаимном уважении”¹¹.

К сожалению, многие народы решают национальные проблемы первым путем, поэтому никто из нас не может оставаться равнодушным. Как преподаватели, мы должны постоянно противо-

---

¹⁰ Л. С. Выготский, *Мышление и речь. Собрание сочинений*, т. 2, Москва 1982, с. 203.

¹¹ „Скажи мне, кудесник...”, разг. А. Субботина с А. Рыбиным, „Спутник” 1992, № 8, с. 130.

действовать любому проявлению расизма и расовой дискриминации, в первую очередь преодолевая одностороннее, упрощенное и стереотипное восприятие этнических групп¹².

А дело это не простое, так как именно в сфере национальных отношений особенно явно проявляется склонность человеческой психики к созданию и прочному усвоению эмоционально окрашенных стереотипов¹³. Итак, французы говорят „пьяный как поляк” („Saoul comme un Polonais”), немцы – „польское хозяйство” („Polnische Wirtschaft”), американцы сочиняют „польские анекдоты”, героем которых выступает круглый дурак, русские рассказывают анекдоты о чукчах, а на вопрос „как дела?” иногда отвечают – „Дела как в Польше – у кого телега, тот и пан”, англичане о неразборчивом почерке, непонятной речи говорят „double Dutch” – что-то в роде „двойного голландского”, а „Dutch courage” – о человеке, выпившем для куража.

Изучая одновременно два иностранных языка, можно не только сопоставить стереотипные выражения, но и информации, касающиеся современной действительности, обычаев, традиций, одним словом, общепринятого в данной стране образа жизни (анг. a way of life; нем. Lebensart). Знание национальных реалий, важнейших исторических событий, крупнейших представителей литературы и искусства, условий жизни позволяет ученику лучше понять своеобразие национального видения мира.

В целях сопоставления используется прием моделирования речевых ситуаций – стандартных (стабильных) и переменных (вариабельных)¹⁴. В стандартных ситуациях как речевое, так и невербальное поведение человека всегда строго определено. В каждой такой ситуации мы точно знаем, что человек должен сделать и что при этом должен сказать. Поэтому поведение человека в данной ситуации определяется как ролевое поведение.

Проблема переменных ситуаций анализируется в рамках речевого этикета, гораздо реже учитывается соматический язык – жесты, мимика, позы, хотя именно они выражают внутреннее состояние человека и несут определенную культурную информацию. По мнению специалистов, свыше 65% информации передается именно с помощью невербальных средств коммуникации¹⁵.

¹² J. Balićki, *Dyskryminacja rasowa. Przeszłość i terażniejszość*. В: *Deklaracja UNESCO o rasie i przesadach rasowych*, Lublin 1986, с. 229.

¹³ М. В. Пономарев, *Французы и русские друг о друге. Историческая эволюция национального образа*, „Иностранные языки в школе” 1993, № 3, с. 18.

¹⁴ Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, *ук. соч.*, с. 160-162.

¹⁵ А. Pease, *Język ciała. Jak czytać myśli ludzi z ich gestów*, Kraków 1992, с. 12.

Невербальные языки, так же как и вербальные, могут существенно отличаться друг от друга; особенно жесты приобретают иногда совершенно иные значения в разных культурно-языковых общностях. Так, напр., поднятый вверх большой палец сжатой в кулак руки „по-польски” и „по-русски” означает одобрение, а в Великобритании, Австралии и Новой Зеландии такой жест имеет три основных значения: 1) так останавливают попутную машину или такси, 2) все в порядке – ОК, 3) „убирайся отсюда”, а напр., в Греции – основным является третье значение, т.е. „убирайся отсюда”.

Очень популярен и жест, образованный двумя пальцами – большим и указательным, так назыв. „кружок”. Первоначально он появился в США уже в начале XIX столетия, а теперь известен во всех англоязычных странах и обозначает „все в порядке – ОК”, но, напр., в Японии может означать деньги, во Франции – ноль, а в некоторых странах на побережье Средиземного моря этот жест намекает на гомосексуальные склонности мужчин¹⁶.

Не только жесты, но и другие явления соматического языка – мимика, позы, выражения лиц – коммуникативны и национально обусловлены. Национально обусловлен и язык привычного поведения, поскольку, находясь в аналогичной ситуации, представители разных национальностей реагируют по-разному. Очень интересны замечания по поводу соблюдения так назыв. „зон дистанции” и их культурной обусловленности. Выделяются четыре зоны или типа дистанции, разделяющей участников общения: 1) интимная – 15-45 см, 2) персональная – 0,45-1,2 м, 3) социальная – 1,2-3,6 м, и 4) публичная – свыше 3,6 м (данные величины характерны для англоязычных стран).

Интимная зона соблюдается при общении между самыми близкими людьми, персональная – характерна для неформальных контактов между друзьями, социальная – обычное расстояние между знакомыми, а иногда и незнакомыми людьми во время деловой беседы, школьного урока, публичная – характерна для общения лектора с аудиторией¹⁷.

Несоблюдение этих норм в англоязычных странах, напр., во время контактов бизнесменов разных национальностей, приводит к недоразумениям, а иногда и к полной неудаче – неожиданное сокращение дистанции одним из участников делового разговора

---

¹⁶ Там же, с. 14-15.

¹⁷ Подробнее об этом в работах: E. T. Hall, *The Hidden Dimension*, New York 1966; A. Pease, ук. соч.; В. Красик, *Этикет и английский язык*, „Иностранные языки в школе” 1993, № 2.

воспринимается собеседником как вторжение в зону, отведенную для совершенно другой сферы жизни, как нарушение его личной свободы.

Изучая несколько иностранных языков одновременно, студенты быстро улавливают все национальные тонкости в том отношении и учатся „соблюдать дистанцию” в контактах с иностранцами. Данная проблема приобретает особую важность тогда, когда иностранный язык изучается в определенных целях, напр., деловых, коммерческих и т.п. Уважение к личному пространству человека влияет на характер взаимоотношений между людьми – можно сказать, что соблюдение принятых данной культурной общностью дистанций способствует достижению желаемых результатов во всевозможных контактах – товарищеских, дружеских, деловых, профессиональных и т.п.

Оказывается, что и улыбка может рассматриваться в качестве важного компонента общения, причем разные народы принадлежат к числу улыбающихся или не улыбающихся. По словам проф. И. А. Стернина, „существующие межкультурные национальные стереотипы, несмотря на свою поверхностность, значительную относительность и традиционность (американцы – деловые, англичане – чопорные, немцы – аккуратные, пунктуальные, французы – лобзобильные, китайцы – трудолюбивые, шведы – сдержанные, итальянцы – экспансивные и т.п.), отводят русским эпитет – мрачные и с этим соглашаются, „по зрелому размышлению”, многие русские¹⁸.

Автор убедительно доказывает, что в структуре русского общения и поведения улыбка занимает место, существенно отличное от того, какое она занимает в общении многих народов как Запада, так и Востока. Дело в том, что русские улыбаются в других случаях и по другим поводам. Во-первых, у русских не принято улыбаться незнакомым людям, во-вторых, у русского человека улыбка не является атрибутом вежливого общения (этикет этого не требует), кроме того, в русском общении улыбка не принята при исполнении служебных обязанностей, так как улыбка несовместима с серьезной работой.

Перечисленные особенности русской улыбки следует иметь в виду при обучении русскому коммуникативному поведению будущих преподавателей, сопоставляя его с англоамериканским (общезвестное „Keep smiling”).

---

¹⁸ И. А. Стернин, *Улыбка в русском общении*, „Русский язык за рубежом” 1992, № 2, с. 54-57.

Как мы уже подчеркивали раньше, особый интерес с точки зрения культурной значимости представляют лексика и фразеология любого языка, отражающие национальную культуру, традиции, обычаи. „Что ни город, то норы” – говорят русские, а поляки поддакивают – „Co kraj, to obyczaj”, англичане добавляют – „So many countries, so many customs”, а немцы – „Andere Länder, andere Sitten” – и все они правы, поскольку, по словам В. фон Гумбольдта, „каждый язык вбирает в себя нечто от конкретного своеобразия своей нации и в свою очередь действует на нее в том же направлении”¹⁹.

Фразеология – самая трудная и сложная область при изучении иностранного языка, „ибо требует хорошего знания истории и быта данной страны, точного и свободного владения реалиями языка, то есть – серьезных «фоновых знаний», и не менее точного и уместного употребления фразеологических единиц этого языка, как в живой – разговорной речи, так и в письменной”²⁰. Но, с другой стороны, как подчеркивает Р. Яранцев, именно „отличное знание иноязычной фразеологии – лакмусовая бумажка высшего уровня знания языка: если человек свободно владеет фразеологией другого языка, уверенно пользуется ею, значит он обязательно знает грамматику этого языка, владеет его стилистикой”²¹.

Мы отдаем себе полный отчет в том, что все отношения между фразеологией и афористикой двух-трех языков не сводятся только лишь к отношениям полной семантической эквивалентности при совпадении плана выражения – они гораздо сложнее, но с точки зрения культурного компонента нас интересует прежде всего связь образа и действительности, выраженная на уровне фразеологии и афористики, так как, анализируя образы, можно получить интересные сведения о жизни народа, о его культуре.

Сопоставляя, напр., пословицы и поговорки на двух-трех языках, нетрудно заметить, что они отличаются также и по степени экспрессивности, образности. Итак, русской пословице „Голь на выдумки хитра” соответствует в английском и польском языках простое суждение о том, что „нужда – это мать изобретения” (англ. „Necessity is the mother of invention”; польск. „Potrzeba jest matką wynalazku”), а образной пословице „Кто любит попа, кто попадью, а кто попову дочку” – гораздо менее выразительные англ. „Tastes differ” („есть разные вкусы”) и польск. „Są gusta i guściki”, что буквально можно перевести – „есть вкусы и вкусики”.

¹⁹ В. Гумбольдт, *Язык и философия культуры*, Москва 1985, с. 378.

²⁰ Р. И. Яранцев, *О преподавании русской фразеологии в нерусской аудитории*, „Русистика” 1989, № 2, с. 60.

²¹ Там же, с. 65-66.

Иногда именно в английском языке наблюдаем большую экспрессивность по сравнению с польским и русским языками. Ср., напр., англ. „Better one-eyed than stone-blind” (т.е. „лучше быть одноглазым чем совсем слепым”) и русское (а также польское) – „Из двух зол выбирают меньшее”.

В заключение нам хочется сказать, что система профессиональной подготовки будущих учителей иностранных языков требует существенных изменений. Во-первых, высшие учебные заведения должны вести подготовку учителей по комбинированным специальностям. Во-вторых, имея в виду роль и значение культурного компонента в содержании обучения иностранным языкам, следует разработать новые учебные планы и программы, основная цель которых – обучение иноязычной культуре, которая, в свою очередь, является составной частью профессиональной культуры учителя иностранных языков.